

<https://doi.org/10.18778/0208-6034.22.03>

Андрей М. Обломский, Ростислав В. Терпиловский

ПОСЕЛЕНИЕ ПОПОВО–ЛЕЖАЧИ–4 И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ПАМЯТНИКОВ КИЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Поселение Попово–Лежачи–4, расположенное на территории Среднего Посеймья, во многих отношениях является уникальным. Посёлок нозднеримского периода, находившийся на месте этого памятника, существовал недолго (не более 30–40 лет), что делает коллекцию находок, происходящую из его объектов и слоя, эталонной для начальной фазы деснинского варианта киевской культуры, до сих пор очень слабо изученной. Кроме того, на поселении вскрыта достаточно большая площадь, позволяющая определить структуру его планировки. Всё это, по нашему мнению, делает актуальной полную публикацию материалов памятника.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Поселение занимает край дюнного всхолмления в пойме левого берега р. Сейм в 2 км к западу от северо-восточной окраины с. Попово–Лежачи Глушковского р-на Курской обл. Российской Федерации. Поверхность дюны задернована, местами поросла кустарником. Размеры селища, определённые по наличию культурных остатков (обломков костей животных, фрагментов сосудов, кусочков глиняной обмазки) в выбросах из кротовин составляют около 130 × 30–40 м. Высота поселения над уровнем поймы реки – 2–4 м (рис. 1).

Поверхность дюны в пределах памятника не была ровной. В центральной его части (там, где находился карьер для выборки песка размерами 40 × 5–35 м) наблюдалась обширная западина, а в северо-восточной и юго-восточной – два валообразных всхолмления

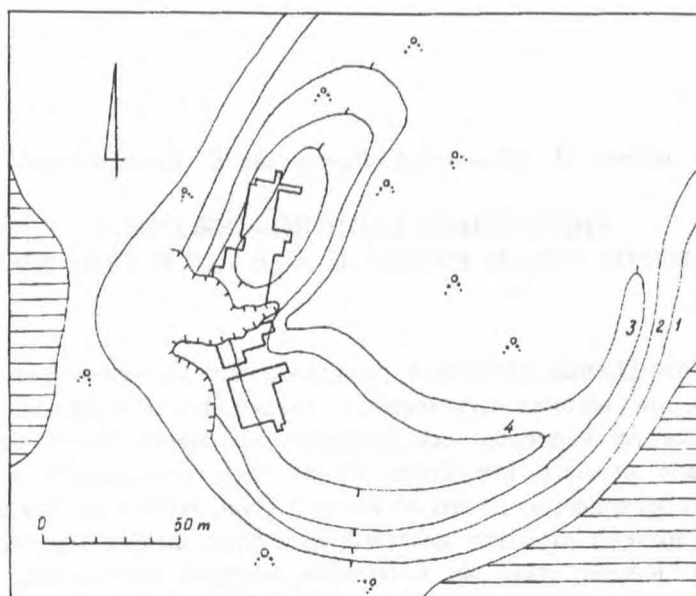

Рис. 1

на 1,5 м возвышавшиеся над ней. В 1993 г. исследовано, приблизительно, две трети поселения киевской культуры. Раскопы заложены в самом низком месте дюны, на склоне и вершине северо-восточного холма и на склоне юго-восточного возвышения (рис. 1–3). Площадь первого раскопа составляет 652, второго – 378, третьего – 154 кв. м. Всего, таким образом, вскрыто 1184 кв. м. Раскопы ориентированы не по оси север-юг, а по линии местности. Первый из них отклонён к востоку на $16^{\circ}15'$, второй и третий – к западу на $16^{\circ}35'$.

Культурный слой представлял собой тёмно-серую супесь и имел толщину от 6 до 70 см, но на большей части исследованной площади не превышал 30–40 см. На территории раскопа 1 его перекрывала прослойка гумусированного песка мощностью 5–25 см с обильными включениями древесного угля. Какого-либо материала, позволяющего датировать её с достаточной определённойностью не было. Из этой прослойки происходили разрозненные обломки разновременных сосудов, явно не залежавшие *in situ*. Остатки сгоревшего дерева связать с какими-либо конкретными древними сооружениями не удалось. По всей видимости, этот горизонт отложился вследствие пожара леса или

кустарника, выросшего на пустоши, уже после того, как раннеславянское поселение было оставлено.

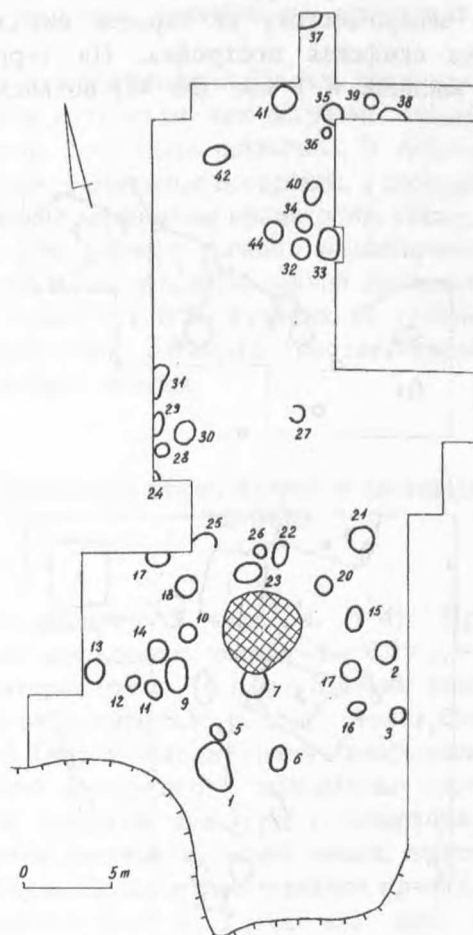

Рис. 2

Углистый слой перекрывали аллювиальные отложения толщиной 4–30 см, представлявшие собой светлый песок, аналогичный тому, из которого состояла дюна, и образовавшиеся, видимо, по воздействию ветра. На территории раскопов 2 и 3 культурный слой залегал непосредственно под дёрном.

В слое тёмно-серой супеси, кроме находок киевской культуры; повсеместно встречались черепки лепных сосудов периодов неолита и бронзы и изделия из кремня, причём в относительно массовом

количестве материалы этих эпох были представлены только на раскопе 1. На этом участке памятника отмечена тенденция к концентрации их в нижней части культурного слоя. В ложбине, разделявшей 2 всхолмления, к северо-востоку от карьера находилась единственная на памятнике скифская постройка. На территории раскопа 1 исследованы 4 жилища и 1 яма (№ 43) волинцевской культуры.

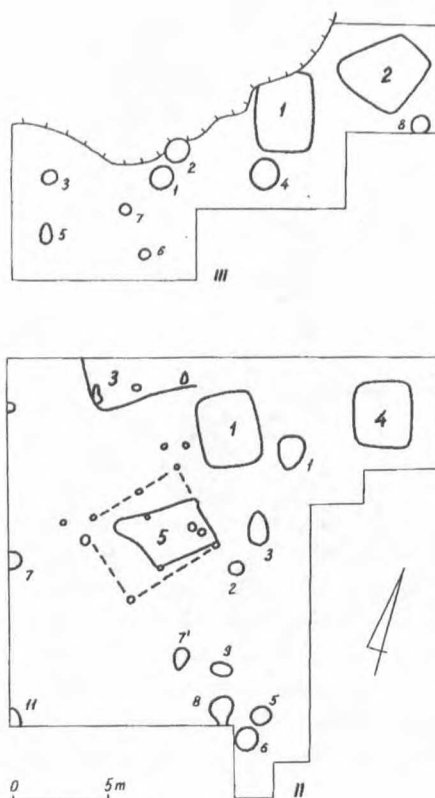

Рис. 3

Лепная керамика VIII в.н.э. обнаружена и в культурном слое: в пределах северо-восточного всхолмления в значительном количестве, а на раскопах 2 и 3 – в виде отдельных черепков. Непосредственно под аллювиальными отложениями, в углистой прослойке и в верхней кромке слоя тёмно-серой супеси встречались обломки гончарных сосудов и различные бытовые предметы XVIII–XIX вв. Значительная их концентрация наблюдалась в пределах центральной части раскопа 1,

где были прослежены остатки какого-то временного сооружения этого периода, вроде загона для скота. На прочих исследованных площадях изделия XVIII–XIX вв. попадались крайне редко. Из слоя раскопа 2 происходит несколько черепков от гончарных горшков периода Киевской Руси.

На всех раскопах численно преобладала керамика киевской культуры, причём на втором и третьем она встречена почти в „чистом виде”, т.к. находки других эпох здесь единичны. К позднееримскому времени относятся 3 жилища, 2 наземные постройки, 1 сооружение хозяйственного назначения. Киевские материалы происходят, также, из 18 ям-погребов. Вне объектов в слое первого раскопа зафиксировано 9, второго – 7, а третьего – 3 локальных скопления лепной керамики, которые залежали, практически, на одной и той же глубине: на уровне материка либо на 5–7 см выше его, что, очевидно, соответствует уровню древней поверхности киевского селища.

ОПИСАНИЕ СООРУЖЕНИЙ И МАТЕРИАЛА ЖИЛИЩА

Постройка 1 раскопа 2 (рис. 4: 1–4). Представляет собой подпрямоугольное сооружение, размерами 4,2 × 2,5–3,2 м, очень слабо углубленное в материк (на 11–16 см), с плоским полом. В южной части постройки была зафиксирована яма от столба диаметром 54–58 см и глубиной 33 см. Остатки отопительного сооружения не переживались. Из очень тёмного однородного заполнения постройки происходит лепная керамика киевской культуры с шероховатой поверхностью, маленький обломок венчика лощёной миски, нижняя часть лощёного миниатюрного сосуда. Большинство черепков принадлежало груболепной биконической корчаге (рис. 4: 2), причём часть её обломков была обнаружена в яме от столба. В северной оконечности постройки на уровне верхних контуров жилища находилось скопление фрагментов днища кухонного горшка.

Постройка 4 раскопа 2 (рис. 4: 8–13). В плане – подквадратная размерами 3,7 × 3,9 м, как и предыдущая, очень слабо углублена (пол находился на уровне 5–8 см от поверхности материка). На полу жилища у его восточной стенки зафиксировано скопление фрагментов днища лепного сосуда с шероховатой поверхностью и примесью песка в тесте. Из заполнения, которое представляло собой переотложенный материковый песок со включениями пятен серой супеси и обильной

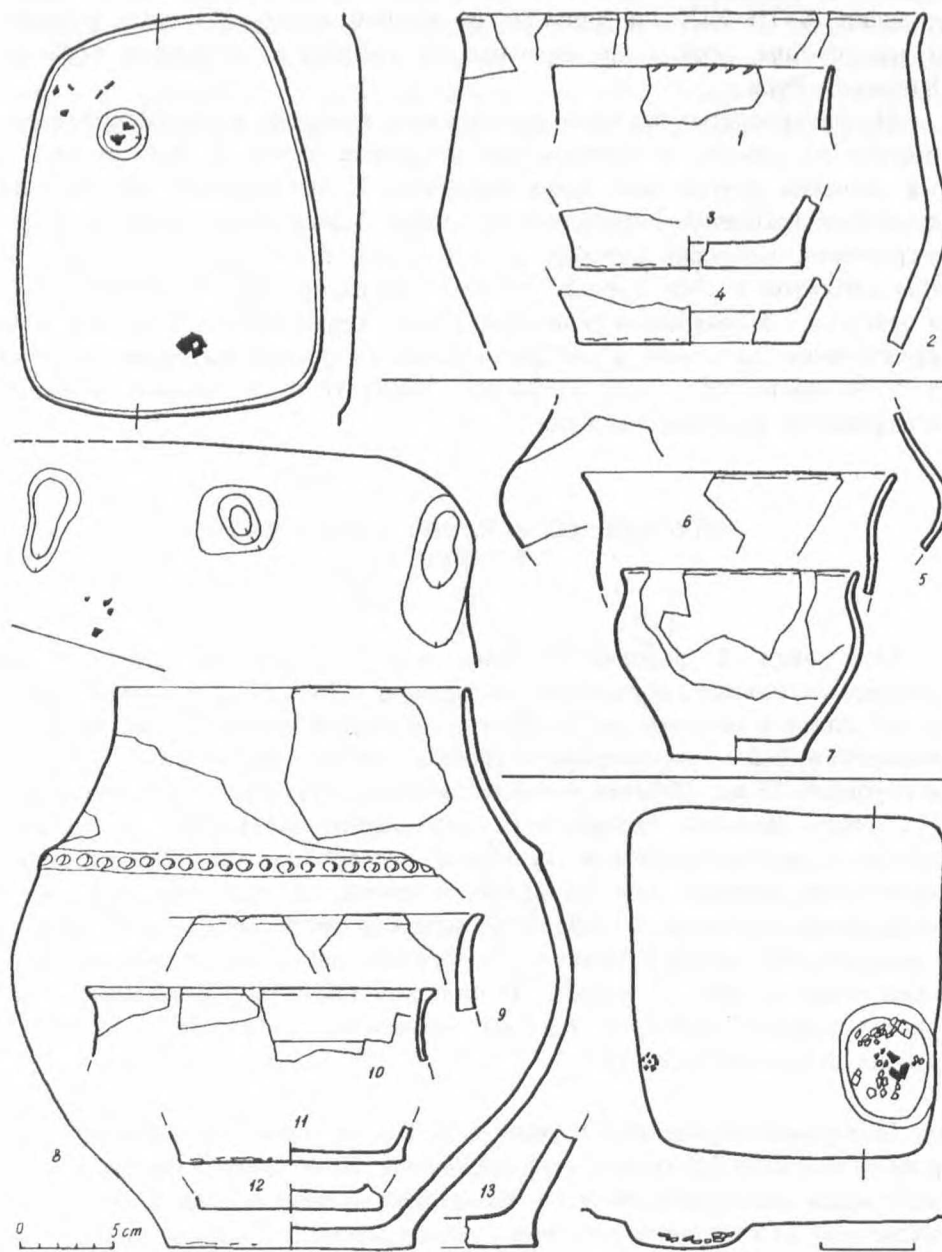

Рис. 4

примесью угля, кроме лепной керамики киевской культуры происходят фрагменты верхней части лощёной сероглиняной гончарной миски, причём несколько обломков того же сосуда находилось в культурном слое выше жилища (рис. 4: 10). В северо-западном углу жилища была расположена очажная яма размерами 1,2×1,0 м и глубиной 33 см от уровня пола. Очаг в древности имел каменную обкладку, часть которой сохранилась на высоту 14 см от дна ямы у её южного борта. Обкладка была сложена из кусков рваного камня размерами от 4×5 до 10×15 см, плотно подогнанных друг к другу. Протяжённость её участка, где камень находился *in situ* составляет 70 см. Обломки камня от не сохранившейся части бортика лежали на дне ямы вперемешку с фрагментами впрочем обожжённого лепного горшка, украшенного валиком, расчленённым пальцевыми вдавлениями, помещённым на тулове сосуда несколько выше места его наибольшего расширения (рис. 4: 8). Очажная яма до верха была заполнена древесным грулем.

Постройка 1 раскопа 3 (рис. 5: 16×18). Северный её край частично повреждён карьером. В плане – подпрямоугольная размерами 4,0×2,9 м по верхнему краю и 3,9×2,7 м в основании котлована. В материк углублена на 33–40 см. В центре сооружения на уровне плоского пола зафиксирована яма от столба – опоры кровли размерами 60×50 см в верхней части и 30×26 см – в придонной, глубиной 30 см. Ещё три подобных ямы находились у стен котлована. Их параметры в порядке северо-восток – юго-восток – юго-запад составляют 50×40, 50×32 и 50×42 см по верхним контурам. Основания ям имели, приблизительно, одинаковый диаметр – около 30 см, глубины их насчитывали 12,18 и 42 см. Заполнение постройки было однородным и представляло собой серую супесь. Из него происходят немногочисленные фрагменты лепных сосудов с примесью шамота в тесте и 5 мелких кусочков глиняной обмазки. Следы отопительного сооружения не прослежены.

Форма и размеры описанных выше построек, а также степень их углубленности в грунт, типичны для жилищ киевской культуры, характерно и наличие ям от столбов в центральной части сооружения или вдоль его стен. Достаточно широко известны на киевских памятниках и постройки без следов столбов, вероятно, срубные или каркасные¹. Отсутствие в двух постройках из Попово-Лежачей остатков очагов, также, не является чем-то из ряда вон выходящим, поскольку в большинстве жилищ на других памятниках они фиксировались лишь

¹ Р. В. Терпиловский, Н. С. Абашина, *Памятники киевской культуры (свод археологических источников)*, Киев 1992, с. 29–32; А. М. Обломский, *Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в первые века н.э.*, Москва–Сумы 1991, с. 100.

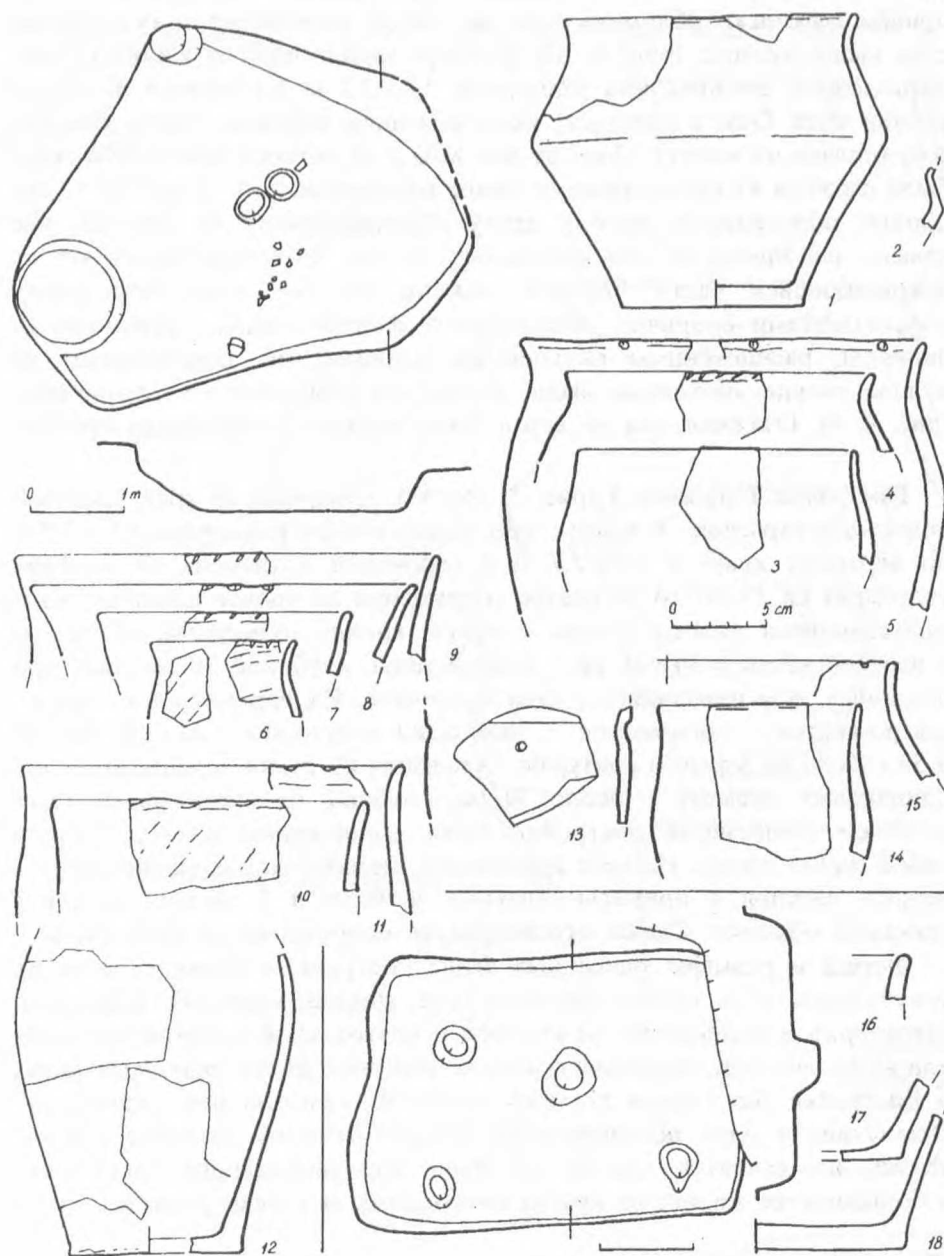

Рис. 5.

в виде прокала материкового пола. Следы обожжённости, как известно, сохраняются не на любом грунте, а лишь на более-менее плотном. Из 84 жилищ киевской культуры, учтённых в своде Р. В. Терпиловского – Н. С. Абашиной² сведения об отопительных сооружениях имеются лишь для 62.

Уникален для киевского домостроительства очаг из постройки 4 раскопа 2. Камень вообще крайне редко применялся при возведении отопительных устройств на позднезарубинецких и киевских памятниках, да и то, обычно, в виде субструкции глиняного пода. В качестве отдалённых аналогов очагу из постройки 4 можно назвать печи-каменки в двух жилищах на поселениях Щатково и Гудок, расположенных на территории Верхнего Поднепровья³.

НАЗЕМНЫЕ ПОСТРОЙКИ

Постройка 5 раскопа 2 (рис. 6). Представляет собой обширное сооружение размерами 5,6–5,8 × 4,4 м, реконструированное по расположению ям от столбов, пятна грунта и развалов сосудов.

Ямы от столбов (их было всего 14) занимали компактный участок в центре раскопа 2. Они зафиксированы на уровне материка. Почти все ямы имели близкие размеры (около 36–50 × 32–44 см) и небольшие глубины (12–33 см). Четыре из них по своим параметрам отличались от остальных. В основании крайней южной читались 2 углубления диаметрами 24 и 26 см, свидетельствующие о том, что в ней находился не один, а два столба. Ближайшая к ней с северо-запада была несколько больше других, её размеры составляли 90 × 70 см. Обе они, а также крайняя восточная яма были самыми глубокими: соответственно, 40, 55 и 49 см. Если соединить эти три ямы линиями, то они составляют прямой угол, ограничивающий район расположения столбовых ям на раскопе 2 с юго-востока и юго-запада. Очевидно, это и есть границы сооружения с этих сторон.

Скопления керамики находились в центральной и восточной частях территории, занятой ямами от столбов, и залегали на одном уровне, который соответствовал поверхности материка или был на 4–6 см выше её. В целом, черепки восточного скопления составляли полосу, ориентированную параллельно юго-западной стене сооружения. Направление этой полосы, приблизительно, совпадало с восточной

² Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, табл. 1.

³ Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, табл. 1.

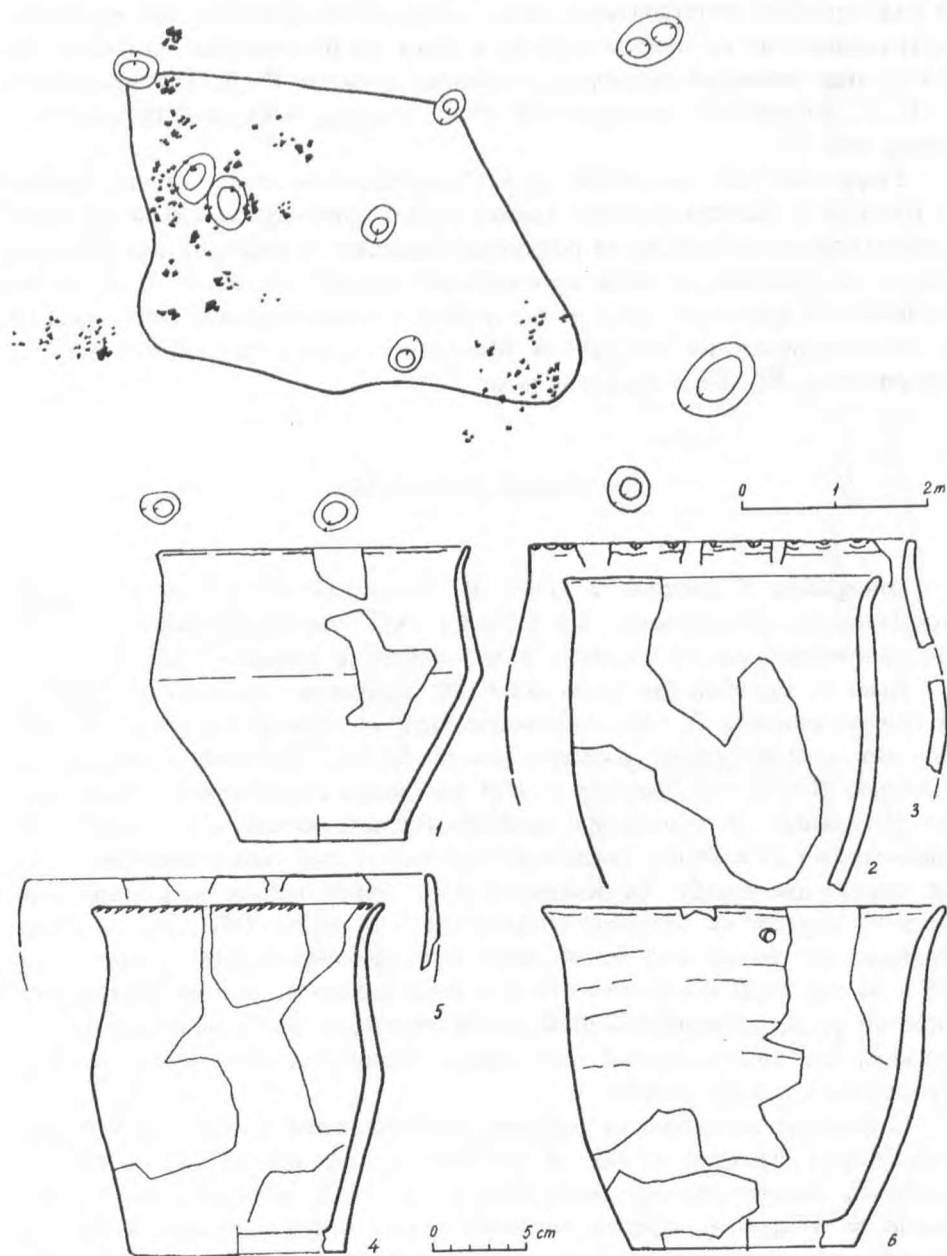

Рис. 6

границей тёмного пятна. Последнее отчётливо выделялось на более светлом фоне предматерикового участка культурного слоя, имело

форму, близкую к трапецевидной и размеры 3,0×4,8 м. В разрезе пятно представляло собой узкую прослойку толщиной 3–5 см, залегавшую непосредственно на материке. Скопления керамики, которые локализовались в пределах пятна, в основном, находились на его поверхности. Некоторые черепки, правда, встречались и глубже. Обломки сосудов из тёмно-серого грунта, составлявшего пятно, подклеивались к черепкам восточной области концентрации керамики. Северо-восточный край постройки, реконструируется, таким образом, по направлению восточного скопления фрагментов сосудов и по границе тёмного пятна с этой стороны, совпадение которых вряд ли случайно. Опорами северо-западной стены сооружения, по всей видимости, служили три столба, расположенные в линию, параллельную его юго-восточной стене.

Внутри постройки находилось пять ям от столбов, часть из которых, вероятно, представляли собой опоры кровли. Принадлежность к сооружению двух крайних восточных из них дополнительно подтверждается тем обстоятельством, что область повышенной концентрации керамики, как бы, „огибала” их по периметру.

Постройка 5, таким образом, была обширным наземным домом, со стенами столбовой конструкции, возведёнными без применения обмазки. Крыша сооружения, также опиралась на столбы. Пятно тёмной супеси образовалось, очевидно, в результате более интенсивного использования людьми его центральной и восточной части. Три столба, находящиеся к северу и северо-западу от постройки, скорее всего, служили опорами каких-то пристроек.

Комплекс материала из объекта составляет набор сосудов, один из которых был лощёным (рис. 6: 1), реконструированных по фрагментам из двух скоплений керамики и пятна тёмной супеси.

Постройка 3 раскопа 2. В пределы исследованной площади вошла частично. На северном краю раскопа в предматериковом слое было прослежено тёмное пятно, северо-западная и юго-восточная границы которого образовывали угол, близкий к прямому со сторонами 3,0 и 4,8. Пятно имело очень небольшую толщину (2–3 см). Из узкой прослойки тёмной супеси, составлявшей его, происходят фрагменты трёх сосудов: двух лепных лощёных мисок и гончарного серолощёного горшка или кувшина (рис. 4: 5–7), часть обломков которого образовывала локальное скопление. На поверхности материка ниже пятна были обнаружены следы трёх ям от столбов, расположенных в линию, приблизительно, совпадающую с его юго-восточным краем. Хотя стенки ям и были сильно разрушены, конфигурация их придонных частей свидетельствует, что столбы имели диаметр около 36–50 см.

Глубины ям составляли с запада на восток 43, 34 и 29 см. Северная часть постройки, по всей видимости была уничтожена: раскопы 2 и 3 отделяла друг от друга ложбина, образовавшаяся в результате размывания поверхности дюны тальми водами.

Больше наземные дома не известны на киевских памятниках, хотя материал из построек 3 и 5 Попово-Лежачей не оставляет сомнений в принадлежности их именно к этой культурно-хронологической общности. Для поселений позднезарубинецкого круга раннеримского времени традиция возведения наземных сооружений характерна только для Подесенья. Наземная постройка исследована Е. А. Горюновым и на селище Картамышево-2 в верховьях Псла. Почепские длинные дома сильно отличаются от построек из Попово-Лежачей по своим размерам (около 20×6 м) и планировке, а именно наличием двух – трёх камер, углубленной части, вытянутого по оси сооружения овального очага⁴. Постройка из Картамышево-2 („жилище 1”), напротив, представляет собой, практически, точную аналогию последним. Она имела размеры 5,8×3,4–3,6 м, пол находился на уровне материка, хотя местами и был заглублён на 5–10 см. Линии стен проведены по тринадцати столбовым ямам. Во внутреннем пространстве сооружения зафиксировано ещё 4 ямы от столбов. Элементом, который не удалось проследить в Попово-Лежачах, был очаг в виде пятна обожжённого грунта с древесными углями на поверхности диаметром 0,8–0,9 м, находившийся в центре дома⁵.

Как и постройки из Попово-Лежачей для киевской культуры, наземное сооружение из Картамышево уникально для позднезарубинецких памятников востока Днепроовского Левобережья и водораздела Днестра и Дона. Жилищами на поселениях этого круга являются небольшие квадратные или прямоугольные полуземлянки⁶.

В позднеяценский период близкие по планировке и размерам наземные дома известны на классических зарубинецких памятниках Верхнего Поднепровья. Наиболее отчётливо они реконструируются по материалам Чаплинского и Моховского второго городищ⁷. Определённые аналогии подобного рода сооружениям имеются и на пшеворских

⁴ А. К. Амброс, *К истории Верхнего Подесенья в I тыс.л.э.*, „Советская археология” 1964, № 1, с. 65.

⁵ Е. А. Горюнов, *Отчёт о работе Днепроовской Левобережной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г.*, архив Института археологии РАН, 1979, с. 21.

⁶ Обломский, *Этнические процессы...*, с. 40, 41.

⁷ П. Н. Третьяков, *Чаплинское городище*, „Материалы и исследования по археологии АН СССР” 1959, вып. 70, с. 124–126; П. Н. Третьяков, *Моховское второе городище*, „Краткие сообщения Института археологии АН СССР” 1960, № 81, рис. 21.

поселениях⁸. Связь между населением из Попово-Лежачей и зарубинецкими племенами Верхнего Поднепровья весьма проблематична, даже если не учитывать хронологический разрыв между зарубинецкими и киевскими древностями. В керамическом комплексе этого памятника не известны ни орнамент, ни формы сосудов, которые можно было бы, хотя бы с долей условности считать реминисценциями верхнеднепровской зарубинецкой традиции. Пшеворская же по происхождению керамика, как будет показано ниже, присутствует и в Картамышево-2, и в Попово-Лежачах. Не исключено, поэтому, что возведение наземных домов на этих памятниках является следствием проникновения пшеворских традиций домостроительства в инокультурную среду.

Показательно, что и в Попово-Лежачах, и в Картамышево наземные дома, хотя и расположены вблизи занятых обычными для селищ позднезарубинецко-киевского круга полужемлянками жилых участков, но находятся на их периферии (рис. 3). Весьма вероятно, в этой связи, что эти постройки не были жилищами, а выполняли какую-то другую функцию. Интересно, что они имеют ряд черт сходства со средневековыми славянскими домами – „континами”, в которых, кстати, довольно часто присутствуют обширные скопления черепков от разбитых во время каких-то обрядов сосудов⁹.

ОБЪЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Постройка 2 раскопа 3 (рис. 5: 1–5). В плане имеет форму неправильного пятиугольника. Верхняя часть заполнения северной оконечности постройки частично разрушена сползнем грунта в сторону ложбины естественного происхождения, поэтому точные контуры сооружения удалось выявить только в основании его котлована. Общая глубина постройки составляет 61–69 см. Стенки объекта имеют длину (по параметру от южного угла по ходу часовой стрелки) 3,9 × 1,2 × 3,0 × 1,4 × 3,8 м, т.е. его длина с запада на восток составляет 4,8, а ширина с юга на север – 3,7–4,0 м. Пол сооружения был плоским. В его центре прослежены две ямы от столбов, приблизительно одинакового диаметра (около 35 см), но различных глубин (юго-западная – 6 см, северо-восточная – 39 см). В северо-восточном углу находилась яма-погреб круглая в плане диаметром 1,15–1,2 м по верхнему краю и 0,95–1,0 м в нижней части. Общая глубина её от пола постройки составляла 0,78 м. В южном углу сооружения зафиксирована яма от

⁸ *Prahistoria ziem polskich*, t. 5: *Późny okres lateński i okres rzymski*, Wrocław 1981, с. 105.

⁹ Б. А. Тимошук, *Восточнославянская община*, Москва 1990, с. 34–37.

столба размерами на уровне верхних контуров 60 × 44 см и диаметром по дну 40 см, которая имела глубину 36 см.

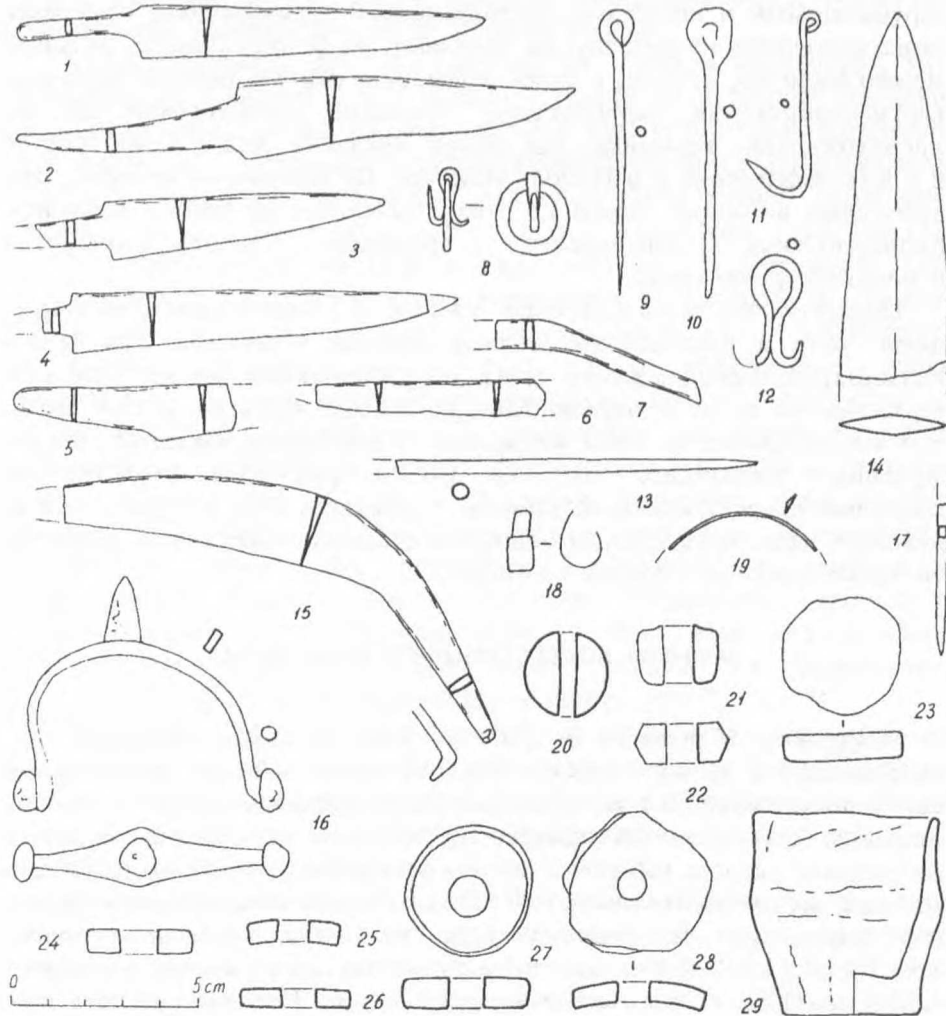

Рис. 7

Структура заполнения постройки была довольно сложной. В верхней его части залегал слой тёмно-серой гумусированной супеси толщиной от 10 до 30 см. В юго-восточной части сооружения его перекрывала прослойка светлого песка мощностью 16–20 см. Заполнение ниже тёмно-серого слоя представляло собой чёрный углистый гумус со включениями переотложенного материкового песка в виде линз, иной

раз достигавших в толщину 50 см. Чёрной супесью были заполнены и все ямы на полу постройки, как столбовые, так и погреб.

Материал из сооружения брался по четырём стратиграфическим горизонтам. Первому из них соответствует верхний тёмно-серый слой, второму – заполнение, лежащее ниже его. Третью и четвёртую группы составляют находки с пола постройки и из ямы-погреба.

Скопление черепков от нескольких груболепных сосудов залегало в верхнем тёмном слое в центральной части сооружения на глубине 45 см от его края. На границе первого и второго горизонтов у северной стены котлована на боку лежал, практически, целый лепной лощёный сосуд (рис. 5: 1) с частично утраченным венчиком. Керамика из нижнего горизонта заполнения, с пола постройки и из ямы-погреба, видимо, составляет синхронный массив материала, т.к. черепки от двух сосудов, входившие во все эти три стратиграфические группы находок, взаимно подклеивались между собой. В центральной части постройки на глубине 35 см от её края найден железный нож (рис. 7: 3).

Многоугольные хозяйственные постройки с внутренними ямами-погребами в позднезарубинецкое время известны на поселении Терновка-2, которое находится в бассейне Северского Донца. В позднееримский период сооружения неправильной формы с хозяйственными ямами в полу зафиксированы на памятниках сейминско-донецкого (Букреевка-2, Шишино-5, Тазово) и деснинского вариантов киевской культуры¹⁰ (Роище, Каменево-2).

Сведения о хозяйственных ямах, из которых происходят материалы позднееримского времени приводятся в табл. 1.

Керамика киевской культуры по своей фактуре делится на 2 группы. Первую составляют груболепные горшки и корчаги, содержащие примесь крупного шамота в керамической тесте, отчего поверхность сосудов получается бугристой (рис. 8–10). Значительно реже в слое и сооружениях памятника встречалась кухонная посуда с примесью песка или дресвы. От общего количества груболепной её доля составляет около 1% или даже меньше. Горшки и корчаги зачастую орнаментированы пальцевыми вдавлениями или насечками по краю венчика. Подсчёты, проведённые на раскопах 2 и 3 показали, что на обеих площадях обломки орнаментированных венчиков составляют около 50%. Для раскопа 1 подсчёты не производились, поскольку в его культурном слое в значительном количестве встречались фрагменты лепных волынцевских сосудов, орнаментированных в той же манере, что и киевские, и не отличающихся от них по фактуре.

¹⁰ Обломский, *Этические процессы...*, с. 42; Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, с. 36.

Таблица 1

Хозяйственные ямы киевской культуры поселения Попово-Лежачи-4

Раскоп, № объекта	Форма	Размеры по верхнему краю, в скобках – по дну (в м)	Глубина (в м)	Заполнение	Находки
1, 1	овальный погреб со ступенькойсходом	1,8 × 2,1 (1,64 × 1,45) ступенька – 0,8 × 1,15 (0,6 × 0,95)	0,49–0,6 ступеньки– 0,34–0,47	серая супесь	керамика
3	овальная	0,79 × 0,95 (0,7 × 0,4)	0,65	чёрная углистая супесь	–,–
5	–,–	0,7 × 0,94 (0,3 × 0,54)	0,33–0,38	тёмная супесь	–,–
9	–,–	1,3 × 2,0 (0,9 × 1,4)	0,26	чёрная углистая супесь	керамика, 2 пряслица керамика (половина че- репок ошлакована), фр-г пряслица
10	круглая	0,9–1,04 (0,9–1,0)	0,62	–,–	керамика
11	овальная	1,14 × 1,24 (0,7 × 1,0)	0,55	–,–	–,–
15	–,–	1,0 × 1,66 (0,66 × 1,5)	0,4–0,57	серая супесь	–,–
18	круглая	1,24 × 1,3 наиболее узкое место – 0,66–0,7, дно – 0,76–0,8	0,94	чёрная углистая супесь	–,–
19	овальная	0,8–1,34 (0,6 × 0,9)	0,75	серая супесь	–,–
22	–,–	0,9 × 1,25 (0,9 × 1,2)	0,35	чёрная углистая супесь	–,–
23	–,–	1,14 × 1,4 (0,7 × 0,9)	0,56	–,–	–,–
35	–,–	1,0 × 1,1 (0,55 × 0,65)	0,56	серая супесь	–,–
2, 1	–,–	не менее	0,9	верх-тёмносерая супесь толщиной 0,25–0,3, ниже – светлая супесь	керамика из верхнего слоя
4	круглая	0,6 (0,3)	0,45	серая супесь	керамика
5	–,–	1,25–1,35 (1,2–1,3)	0,76	чёрная супесь	керамика (в т.ч. и ошла- кованная) пряслице
6	овальная	1,5 × 1,6 (0,65 × 0,8)	1,1	тёмная супесь	керамика
7	–,–	1,4 × 1,7 (0,94 × 1,0)	0,57	серая супесь	железный нож
9	–,–	1,0 × 1,4 (0,75 × 1,0)	–,–	чёрная супесь	отдельные черепки, же- лезный нож

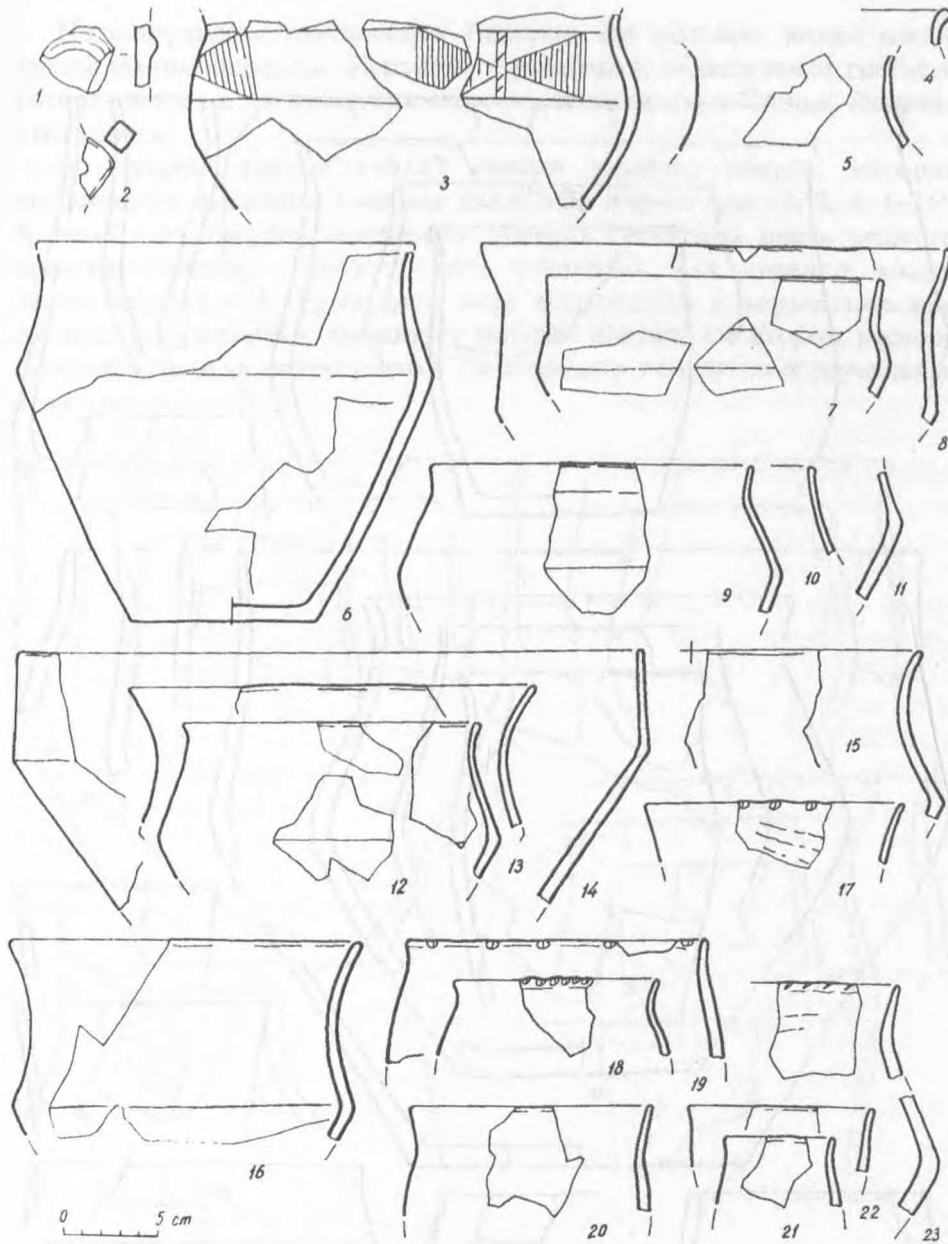

Рис. 8

В верхней части тулова горшка из очага постройки 4 раскопа 2 был помещён валик, расчленённый пальцевыми вдавлениями. На обломке другого сосуда имелся подковообразный налп (рис. 4: 8; 8: 1).

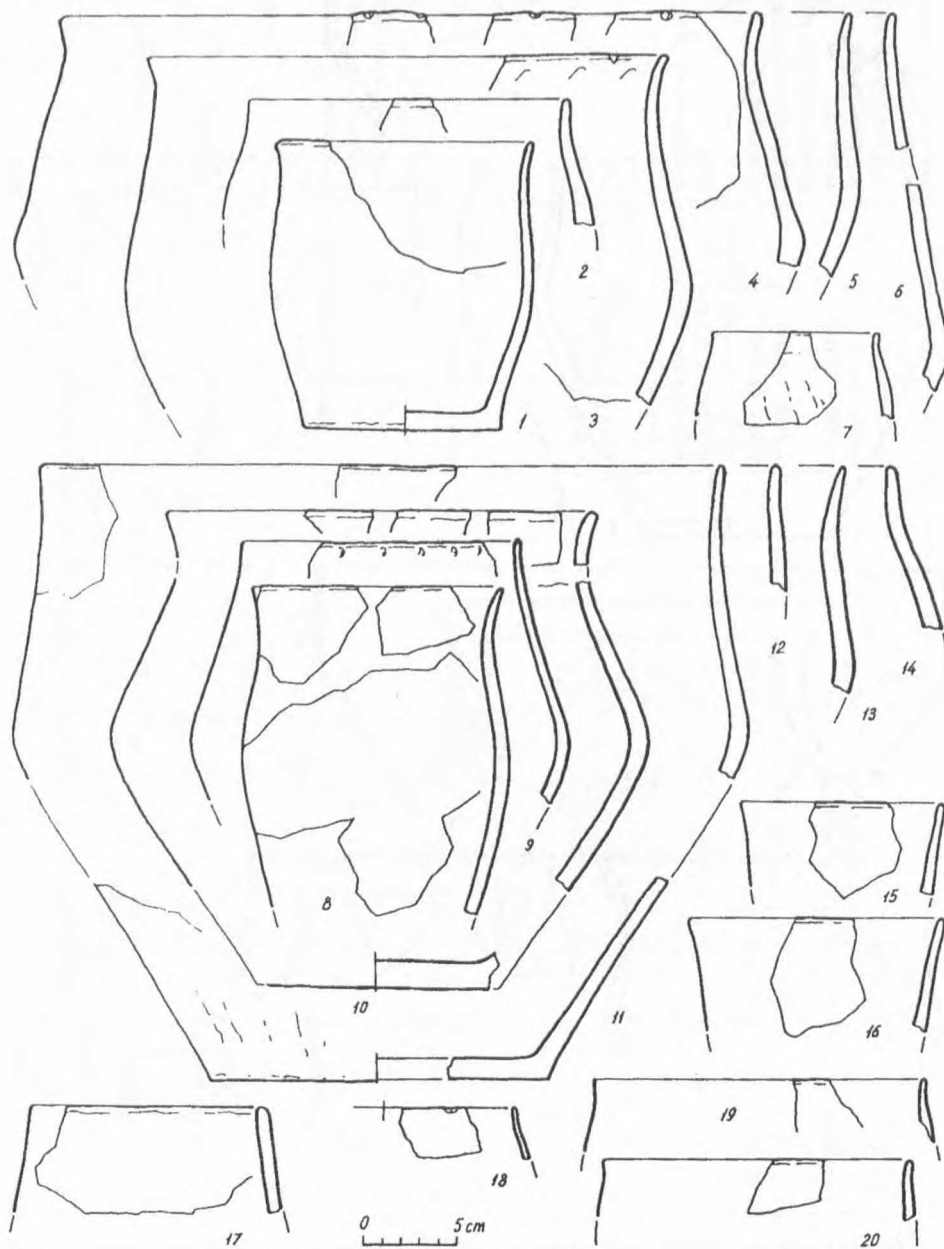

Рис. 9

На поверхности груболепных горшков, как правило, видны следы заглаживания пальцами. Керамика с расчёсами, нанесёнными гребнем, которая встречается на многих киевских памятниках, в Попово-Лежачах отсутствует.

Во вторую группу входит лепная лощёная посуда, которая представлена высокими мисками различной формы (рис. 8: 2, 3, 6–16). В тесте этих сосудов содержится примесь песка или очень мелкого шамота, лощение – двустороннее, глянцевое. Как правило, миски имеют чёрный или серый цвет, хотя встречаются и коричневые или жёлтые, что, вероятно, зависит от условий обжига. На втором раскопе лощёной керамики насчитывается 7% в среднем по слою и сооружениям, а на третьем – 5%.

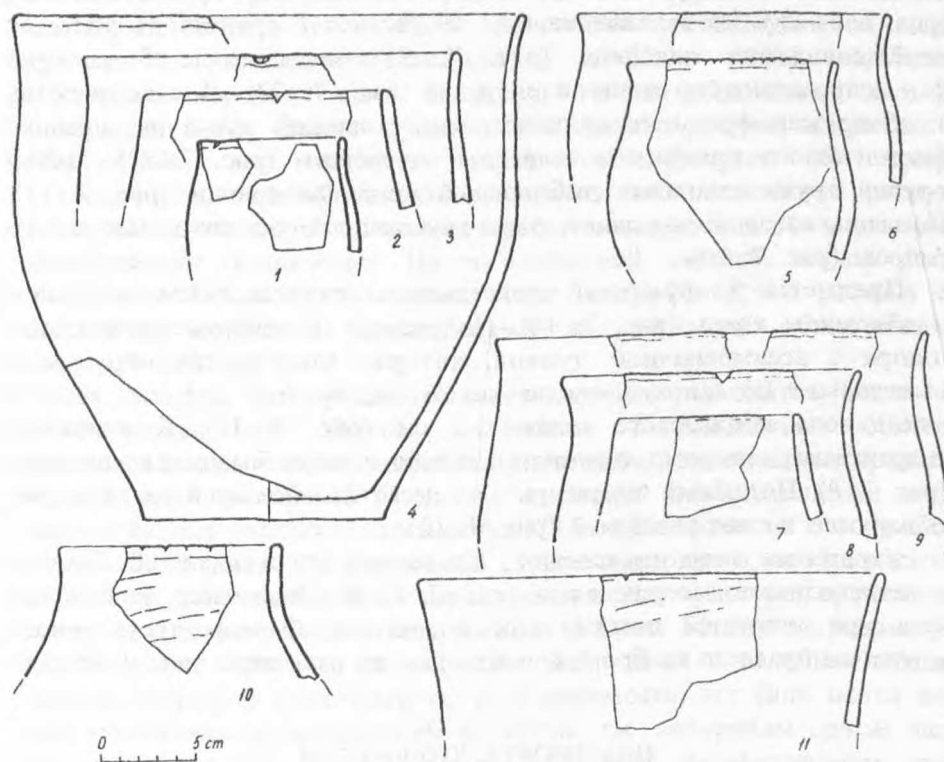

Рис. 10

В культурном слое раскопов 1 и 2, а также в заполнении построек 3 и 4 раскопа 2 встречались единичные фрагменты лощёных сероглиняных гончарных сосудов, близких по фактуре и формам венчиков

к черняховским (рис. 4: 5, 10; 8: 4, 5). Из постройки 2 раскопа 3 происходит обломок горла розовоглиняной амфоры (рис. 5: 13).

В вещевой комплекс киевской культуры включены предметы из сооружений, все находки из раскопов 2 и 3, кроме заведомо поздних, а также некоторые специфические изделия, которые относятся к позднеимскому времени по аналогиям.

Среди орудий труда из железа наиболее многочисленны ножи. Два из них имеют прямую спинку (рис. 7: 1, 3) и один – слегка изогнутую (рис. 7: 2). Из раскопа 1 происходят обломки ещё трёх ножей, но нельзя поручиться, что они не относятся к VIII в. Довольно типичен для римского времени серп с крючком на конце рукоятки (рис. 7: 15). Из черепков лощёных лепных сосудов изготовлены 3 пряслица, а ещё 2 сделаны из фрагментов амфор: светло- и красноглиняных (рис. 7: 24–28). Из заполнения ямы 10 раскопа 1 происходит обломок лепёшковидного пряслица (рис. 7: 21), а из ямы 5 раскопа 2 – шаровидное пряслице или грузик (рис. 7: 20). В слое раскопа 1 обнаружен фрагмент типичного для киевской культуры низкого биконического пряслица с широким отверстием (рис. 7: 22). Набор орудий труда дополняет рыболовный железный крючок (рис. 7: 11). Из глины изготовлен миниатюрный груболепной сосудик с намеченным ребром (рис. 7: 29).

Предметы вооружения представлены единственным изделием – обломком копья (рис. 7: 14). На раскопе 1 обнаружена железная шпора с ассиметричной дужкой, которая завершается округлыми выступами. Её ширина составляет 6 см, высота – 5 см, высота массивного конического шипа – 2 см (рис. 7: 16). К конскому снаряжению, возможно, относилось кольцо с якоробразным креплением (рис. 7: 8). Подобный же „якорь”, но несколько больший по размерам обнаружен в слое раскопа 3 (рис. 7: 12).

Украшения немногочисленны. Из железа изготовлены 2 булавки с петлевидными завершениями (рис. 7: 9, 10). Возможно, к киевской культуре относится пластинчатое колечко и обломок треугольного в сечении браслета из бронзы, найденные на раскопе 2 (рис. 7: 18, 19).

ПЛАНИРОВКА, ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПАМЯТНИКА

В римское время посёлок на месте памятника существовал очень недолго. В пользу этого свидетельствует несколько наблюдений.

Во-первых, ни один из объектов римского периода не перекрывает сооружения той же эпохи, причём это относится не только к постройкам,

но и к хозяйственным ямам, которые в песчаном грунте весьма недолговечны. Как показывает опыт, на поселениях Днепровского Левобережья I тыс.н.э. погреба выкапывались гораздо чаще, чем строились жилища, и поэтому ямы, как правило, неоднократно перекрывали друг друга.

Во-вторых, посёлок имеет весьма „прозрачную” планировку, которая обычно бывает не слишком чёткой при длительном его функционировании. В наиболее низком месте западного края дюны – в седловине между северным и юго-восточным всхолмлениями (рис. 1–3), находился жилой участок, где удалось исследовать 3 жилища, типичных для культур позднестаробульварской традиции формы и размера (постройки 1 и 4 раскопа 2 и 1 раскопа 3). Возможно, в древности их было на 1–2 больше, т.к. остатки некоторых жилищ могли быть уничтожены упоминавшейся выше промоиной, разделявшей раскопы 2 и 3, а также, карьером. Последнее, впрочем, мало вероятно, т.к. в обнажениях карьера материала было совсем немного. На жилом участке, даже после разрушений, его остаётся значительно больше. С севера к территории, занятой жилищами, примыкала постройка 2 раскопа 3 неправильной формы с ямой-погребом внутри, очевидно, имевшая хозяйственное назначение. На юго-западной окраине жилой зоны находились 2 больших наземных дома (постройки 3 и 5 раскопа 2), возможно, служившие святилищами или местами общественных собраний (рис. 3).

На участке, где расположены постройки, находится всего 10 хозяйственных ям. Прочие составляют 3 компактные области концентрации: на южном склоне юго-восточного всхолмления в пределах южной части раскопа 2 (6 ям), в седловине между холмами и на южном склоне северного возвышения (23 ямы), а также на его вершине и восточном склоне (17 ям: раскоп 1). Несмотря на то, что на раскопе 2 находки, достоверно относящиеся к киевской культуре, происходят всего из 6-ти погребов, а ямы раскопа 3 были безынвентарными (за исключением первой и второй, где обнаружены отдельные черепки лепных сосудов с шамотом), по всей видимости, все (или почти все) они датируются позднеримским временем, т.к. материалы других эпох на этих площадях были единичны. Сложнее атрибутировать ямы раскопа 1, где кроме киевских известны объекты эпохи неолита-бронзы, скифского времени, волынцевской культуры. По всей видимости, к позднеримскому периоду относится большинство погребов южной области их концентрации (рис. 2). Из 23-х ям с керамикой I тыс.н.э., или безынвентарных, расположенных здесь, волынцевские материалы не известны ни в одной из них, а обломки сосудов киевской культуры

происходят из II-ти (табл. 1). Дата северного скопления ям проблематична. Почти все они не содержали находок. Определимые в культурно-хронологическом отношении фрагменты лепных сосудов происходят из погребов 35 и 43. Первый из них относится к поздне римскому времени, а второй – к волынцевской эпохе.

Посёлок, таким образом (по крайней мере его исследованная часть) состоял из жилой зоны и минимум двух хозяйственных, довольно точно „вписанных” в рельеф местности. Памятники с обособленным расположением жилого и хозяйственных участков относятся к первому типу планировки позднезарубинецких и киевских селищ¹¹.

Третьим аргументом в пользу относительной кратковременности римского этапа существования памятника служит однородность обнаруженного на всех трёх раскопах керамического комплекса. О близости процента лощёной посуды на втором и третьем из них уже упоминалось. Груболопные горшки на всех трёх исследованных площадях представлены одним и тем же набором в составе: округлобочных с отогнутым наружу венчиком¹² (тип I,1,a,a: рис. 5: 5; 11: 5); близких к баночным, как закрытых (тип I,3-a: рис. 9: 1, 8), так и открытых (тип I,3-b: рис. 6: 2); баночных с загнутым внутрь краем (тип I,4: рис. 6: 5; 9: 17); а также сосудов с ребристыми бочками и вогнутыми дугами профиля выше места наибольшего расширения тулова, с отогнутыми наружу венчиками (рис. 9: 3, 11: тип II, 1); с прямой линией профиля от шейки до бочка и изогнутым венчиком (тип II,2,a: рис. 4: 2; 6: 4; 9: 4); биконическими без венчика (тип II,5: рис. 9: 9) форм. Соотношение округлобочных и ребристых сосудов с шероховатой поверхностью на всех трёх раскопах, примерно, одинаково: первые составляют около 2/3 от общего количества (раскоп 1 – 73% на 27%, 2 – 62% на 28%; 3 – 66% на 34%). Среди форм (см. табл. 2) преобладает тип I,3-a, на втором месте находится, как правило, тип I,3-b. Прочие представлены небольшими сериями, причём наиболее редки баночные (тип I,4). Сосуды, очевидно, близки и по пропорциям. Слабопрофилированные горшки среди материала всех раскопов не менее чем в три раза превышают по количеству

¹¹ А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский, О. В. Петраускас, *Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины*, Киев 1990, с. 15; Обломский, *Этнические процессы...*, с. 137; Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, с. 27.

¹² Используется классификация, предложенная А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским в 1991 г. (А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский, *Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв.н.э.*, Москва 1991, табл. 1, рис. 2; Обломский, *Этнические процессы...*, с. 35-37, рис. 8, 9).

Таблица 2

Количество и процентное соотношение форм груболенных сосудов поселения Попово-Лежачи-4

№ раскопа	I,1,a,a		I,3-a		I,3-6		I,4		II,1		II,2,a		II,3		II,5	
	К	%	К	%	К	%	К	%	К	%	К	%	К	%	К	%
1	3	9	15	44	6	17	1	3	1	3	4	12	1	3	3	9
2	1	6	5	28	4	22	1	6	2	10	4	22	-	-	1	6
3	2	14	5	36	1	8	1	8	3	20	-	-	-	-	2	14
В целом	6	9	25	38	11	17	3	4	6	9	8	12	1	2	6	9

К - количество.

сильнопрофилированные¹³ на раскопе 1 первых 83%, на втором – 78% и на третьем – 70%.

Таким образом, каких-либо оснований для вывода о разновременности или различной длительности существования исследованных участков, керамические коллекции раскопов не предоставляют.

Для определения хронологии памятника наибольшее значение имеют формы лощёных сосудов. Последние представлены, в основном, двумя типами: III,3,6 (рис. 5: 1; 8: 8, 9) и III,4 (рис. 8: 6, 15, 16). К первому относятся высокие мискообразные сосуды (диаметр венчика, приблизительно, равен их высоте) с зигзаговидным профилем, каждый из перегибов которого подчёркнут ребром. Венчики сосудов – прямые или слегка выпуклые, отогнутые наружу. На поселении таких форм обнаружено 4. На территории Днепровского Левобережья они являются этнографической особенностью позднеримских памятников типа Картамышево, которые в настоящее время известны в верховьях Сейма, Псла и среднем течении Орели (рис. 11: 2–6)¹⁴. На памятниках киевской культуры мискообразные сосуды с зигзаговидным профилем крайне редки. Они происходят лишь с поселения Гочево-1 („гори” 3) в верховьях Псла¹⁵. Шишино-5 (раскоп 3, постройка „яма 5”)¹⁶ на северском Донце (рис. 11: 19–21). Октябрьское-2 (слой: раскопки Р. В. Терпиловского 1993 г.) в среднем Посеймье и из могильника Новые Безрадичи (порг. 12) под Киевом¹⁷ формы типа III,3,6 датируются, таким образом, преимущественно, раннеримским временем, однако продолжают периодически использоваться и в начале III в. н.э.

Сосуды типа III,3,6 интересны и в другом отношении. Эти формы, как уже указывалось авторами статьи¹⁸, не имеют зарубинецких прототипов. Аналогами им служат ребристые вазы пшеворской культуры типа II/3 по классификации Т. Лианы¹⁹, которые появляются на территории Польши в конце позднего латена, а максимальное

¹³ Критерий отличия приведён в работе А. М. Обломского 1991 г. (Обломский, *Этнические процессы...*, с. 66).

¹⁴ Обломский, Терпиловский, *Среднее Поднепровье...*, с. 69; Обломский, *Этнические процессы...*, с. 40.

¹⁵ Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, рис. 46: 1).

¹⁶ Обломский, *Этнические процессы...*, рис. 59: 9, 10.

¹⁷ Н. С. Абашина, *Население Среднего Поднепровья в III–V вв. (по материалам киевской культуры)*, Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук, архив Института археологии АН Украины, Киев 1986, рис. 29: 20.

¹⁸ Обломский, Терпиловский, *Среднее Поднепровье...*, с. 88, 89.

¹⁹ T. Liana, *Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim*, „Wiadomości Archeologiczne” 1970, z. 35, s. 439.

распространение получают на стадиях В2 и С1²⁰. Известны они и позже, например в могильниках Опатов. Специмеж и Лахмировице²¹, но в позднеримское время зачастую становятся более грубыми, имеют шероховатую лили даже хруповатую ниже ребра поверхность и более „мягкий” профиль. Как и большинство пшеворских ваз, мискообразные сосуды типа П/3,6 с позднезарубинецких и киевских памятников часто орнаментированы различными композициями из свастик, треугольников, зигзагов и т.д. (рис. 11: 1–3, 6–10, 14, 15, 18, 19), которые были нанесены на лощёную поверхность до или после обжига какими-то тонкими и острыми предметами. Подобные орнаменты на пшеворской лепной столовой керамике римского времени датируются стадиями В1–С1²², т.е. тем же хронологическим отрезком, что и период наиболее широкого распространения вазообразных сосудов типа П/3 по Т. Лиане. Весьма показательно, что пшеворские прототипы высоких мисок с зигзаговидным профилем Поднепровья и Днепровского Левобережья, учитывая сочетание форм и орнамента, датируются так же, как и их дериваты в позднезарубинецко-киевской среде.

На памятниках киевской культуры известны ещё 3 сосуда, которые отличаются по форме от описанных выше, но также имеют пшеворское происхождение. Два из них опубликованы ранее: это верхняя часть миски из вымостки пода 2 Обухова-3²³, орнаментированная фризом из заштрихованных сеткой треугольников, а также фрагмент венчика и бочка округлобокого лощёного сосуда из Тайманово, украшенного сложной композицией из параллельных линий и косой штриховки²⁴. Обломки третьего сосуда происходят из культурного слоя раскопа 2 Попово – Лежачей-4 (рис. 8: 3). Они относятся к верхней части высокой округлобокой миски с отогнутым наружу венчиков (аналогичной экземпляру из Тайманово) с поясом из заштрихованных треугольников, расположенных по два вершинами друг к другу и разделённых

²⁰ Liana, *Chronologia względna...*, s. 455; K. Godłowski, *Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku (część II)*, „Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne” 1977, t. 4, s. 139.

²¹ K. Godłowski, *Materiały z cmentarzyska z późnego okresu wpływów rzymskich w Opadowie, pow. Kłobuck*, „Materiały Archeologiczne” 1959, z. 1, rys. 50: 17; 51: 6, 9; 60: 1, 8; 62a; 65: 1; 70: 2; A. Kietlińska, T. Dąbrowska, *Cmentarzysko okresu wpływów rzymskich w wsi Spicymierz, pow. Turek*, „Materiały Starożytne” 1963, nr 9, tabl. I 14, 15, 18, VII 2, XII 4, 23, XVI 23, XVII 19, XXIV 1, XXV 7, XXXV 7; B. Zielonka, *Cmentarzysko z okresu cesarstwa rzymskiego w Lachmirowicach w pow. inowrocławskim*, „Przegląd Archeologiczny” 1953, nr 9, rys. 15: 4, 21: 3.

²² Godłowski, *Materiały do poznania...*, s. 160–161.

²³ Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, рис. 28: 4.

²⁴ Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, рис. 49: 9.

перпендикулярными полосами из двойных вертикальных линий с косой штриховкой.

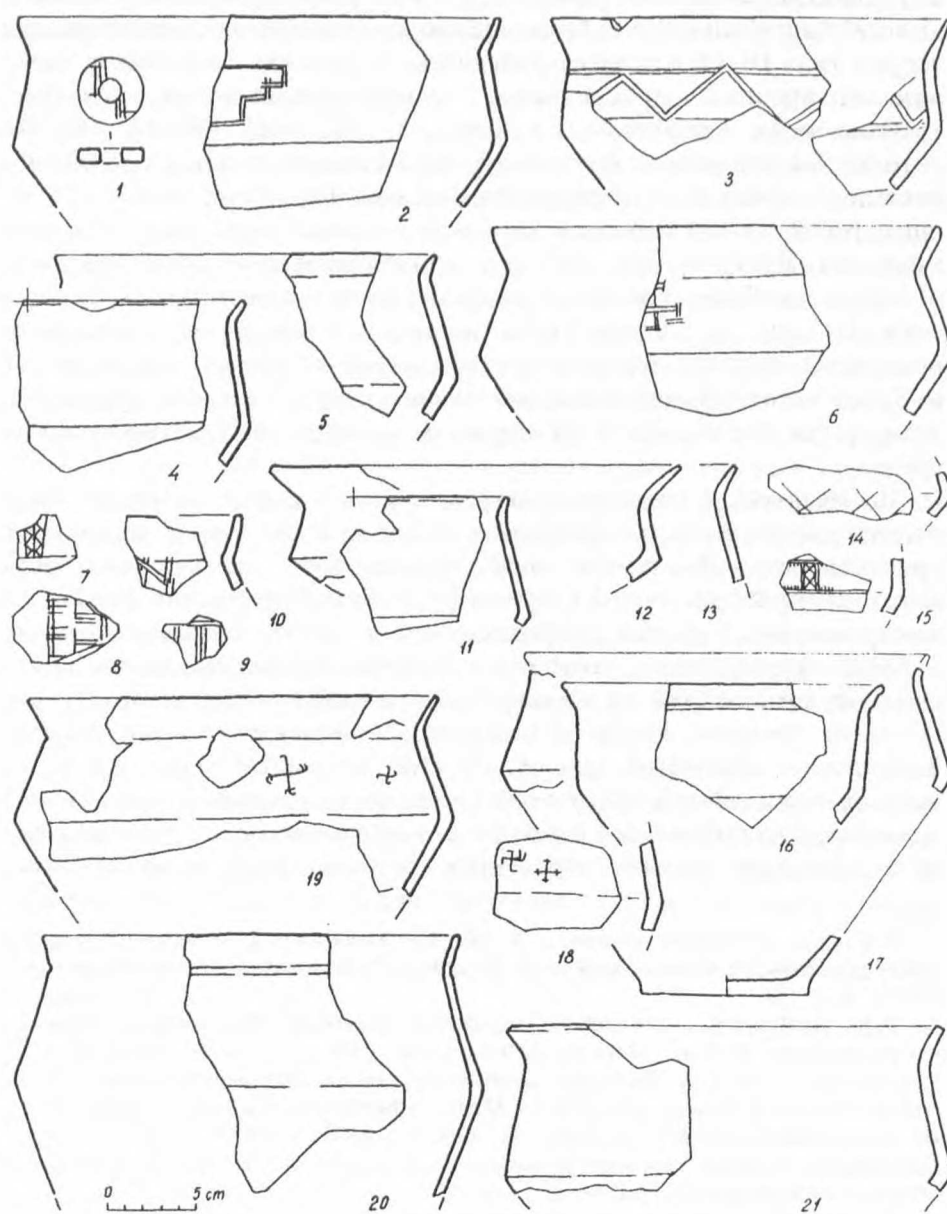

Рис. 11

Миска из Обухова относится к типу VI/2 по Т. Лиане. Эти формы на пшеворских памятниках распространены, преимущественно, на стадии В2, хотя встречаются и позже, например, на могильниках Лахмировице и Гощерадов²⁵. Сосуды из Тайманова и Попово-Лежачей, по классификации Т. Лианы соответствуют типу 1% 3 округлобоких ваз²⁶ которые характерны для стадии В2.

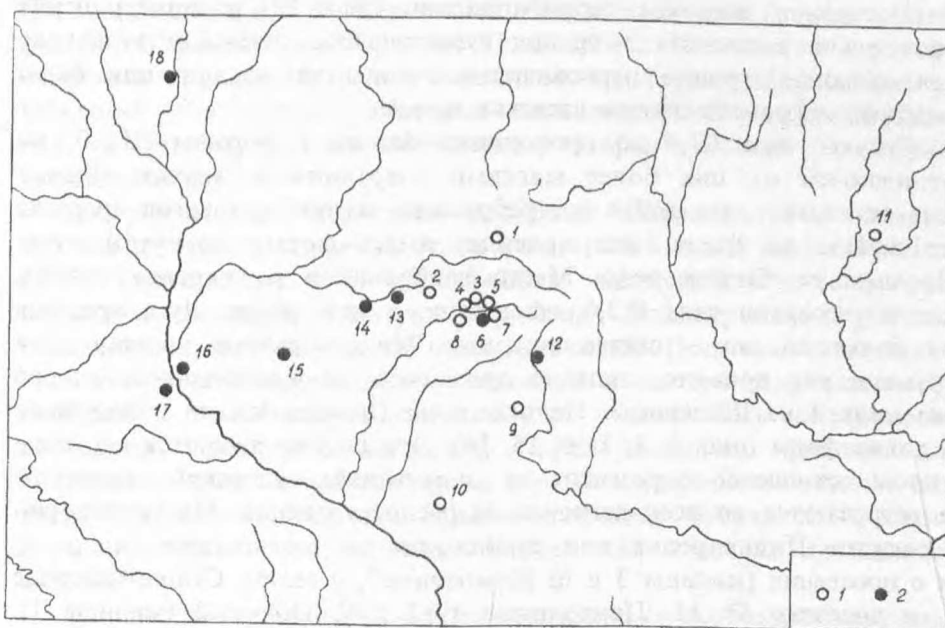

Рис. 12

Пик распространения аналогов пшеворским столовым сосудам на памятниках зарубинецкой традиции падает, таким образом, на раннеримское время. Именно в этот период они встречаются в одной и той же группе древностей (типа Картамьшево) и в довольно узком географическом регионе – на востоке Днепроовского Левобережья, преимущественно (рис. 12). На киевских памятниках пшеворских по происхождению сосудов значительно меньше, а по формам и орнаментации они, также, „тяготеют” к более раннему времени. Не исключено, что прямых контактов киевского и пшеворского населения

²⁵ Liana, *Chronologia względna...*, с. 440, tabl. I 18; Zielonka, *Cmentarzysko...*, rys. 7: 4; 11: 2; 16: 3; 18: 3, 5, 6, 10; A. Niewęłowski, *Cmentarzysko kultury przeworskiej z okresu rzymskiego w Gościradowie, gm. loco, woj. Tarnobrzeg*, „Sprawozdania Archeologiczne” 1982, z. 33, rys. 8a.

²⁶ Liana, *Chronologia względna...*, с. 438, 439.

не было. Пшеворская керамика в киевских комплексах могла быть чем-то вроде наследия предшествующей эпохи. В качестве гипотезы можно предложить следующую схему. Пшеворская керамика и традиции домостроительства были принесены на восток Днепровского Левобережья в раннеримское время какой-то небольшой группой населения из Польши, которая затем полностью растворилась в местной инородной среде. Относительно широкое территориально (рис. 12) распространение пшеворских элементов в период существования киевской культуры, „размывание” границ первоначальной зоны их локализации было вызвано микромиграциями киевских племён.

Сосуды типа Ш,4 по пропорциям близки к формам Ш,3,б, но отличаются от них более мягкими очертаниями: венчик обычно бывает изогнут, на шейке нет ребристого перегиба, участок профиля от шейки до плеча, как правило, имеет форму вогнутой дуги. Прямым он бывает реже. Место наибольшего расширения тулова, как и у сосудов типа П,3,б, оформлено в виде ребра. Дуга профиля от бочка до дна – слегка вогнутая. Мискообразные горшки этой группы, как правило, лишены орнамента, за исключением одного экземпляра из Шапкино-2. На поселении Попово-Лежачи обнаружено 8 таких форм (рис. 6: 1; 8: 6, 15, 16). Эти сосуды являются ведущим типом столовой керамики на памятниках киевской культуры и встречаются во всех регионах её распространения. На территории Среднего Поднепровья они происходят из могильника (погр. 4) и с поселения (жилища 3 и 6) Казаровичи²⁷, с селищ Сушки (жилище 1 и раскопки О. М. Приходнюка 1985 г.)²⁸, Обухов-2 (жилище 1), Обухов-3 (поды 1 и 2)²⁹, Обухов-7 (постройка 17)³⁰. В Подесенье они обнаружены на поселении Лавриков Лес (постройка 4)³¹, Посудичи³², Гребля (раскопки Т. П. Вальковой 1989–1992 гг.), на водоразделе Днепра и Дона – на селищах Шишино-5 (раскоп 2 яма 1), Приоскольское-2 (яма 23)³³, на могильнике Кулига (слой), поселении Шапкино-2 (раскопки А. А. Хрекова 1984 г.). В верхнем Поднепровье

²⁷ Е. В. Максимов, Р. С. Орлов, *Поселение и могильник второй четверти I тыс. н.э. у с. Казаровичи близ Киева*, [в:] *Раннесредневековые восточнославянские древности*, Ленинград 1974, рис. 3: 4; Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, рис. 19: 11; Абашина, *Население...*, рис. 23: 12.

²⁸ Абашина, *Население...*, рис. 28: 14.

²⁹ Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, рис. 24: 8; 25: 2, 3; 28: 1, 2.

³⁰ Абашина, *Население...*, рис. 19: 10.

³¹ Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, рис. 39: 25.

³² П. Н. Третьяков, *Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в верхнем и среднем Подесенье*, [в:] *Раннесредневековые восточнославянские древности*, Ленинград 1974, рис. 13: 20.

³³ Обломский, *Этнические процессы...*, рис. 58: 5; 65: 10.

аналогичные сосуды найдены в Абидне и на селище Гудок³⁴. Подобные высокие миски происходят и с некоторых черняховских памятников, расположенных на территории Среднего Поднепровья в области пограничья с киевской культурой³⁵.

Периодизация киевских памятников в настоящее время разработана для трёх регионов их распространения: Среднего Поднепровья, Подесенья (Н. С. Абашина и Р. В. Терпиловский) и водораздела Днепра и Дона (А. М. Обломский). В Среднем Поднепровье Казаровичи и Сушки относятся к начальному этапу киевской культуры (конец II–III вв.), Обухов-3 – к среднему (вторая половина III–IV вв.), Обухов-2 и 7 – к среднему или заключительному (вторая половина IV – первая половина V в.)³⁶.

На территории Подесенья поселение Лавриков Лес является одним из эталонов первого этапа³⁷, который в своей сводной работе Р. В. Терпиловский и Н. С. Абашина синхронизируют со вторым периодом киевской культуры Среднего Поднепровья. Рубежом, отделяющим первый этап киевских древностей Подесенья от второго является начало черняховского влияния и поступление массового импорта, в т.ч. и керамического, в этот регион. Киевский горизонт поселения Гребля, по-видимому, тоже довольно ранний для Подесенья: черняховской гончарной керамики на этом памятнике нет. Здесь, кроме того, найдена параллелепипедная бусина из красного глухого стекла – относительно раннее для киевских комплексов изделие³⁸.

Все памятники водораздела Днепра и Дона, на которых обнаружены мискообразные сосуды типа III,4, относятся к первой фазе киевской культуры. От последующей, как и в Подесенье, её отделяет начало активного использования киевском населением черняховской гончарной керамики, некоторых приёмов ремесла и домостроительства. В отличие от Подесенья, здесь этот рубеж обеспечен серией надёжных абсолютных дат. Массовое проникновение черняховского импорта на водоразделе Днепра и Дона начинается в середине – второй половине III в. Ранняя (дочерняховская) фаза киевской культуры датируется в этом регионе концом II – серединой III в.

В Подесенье и на водоразделе Днепра и Дона миски типа III,4, таким образом, используются лишь на ранних памятниках.

³⁴ Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, рис. 50: 2.

³⁵ Абашина, *Население...*, рис. 53: 1.

³⁶ Абашина, *Население...*, с. 102–103; Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, с. 86–89.

³⁷ Терпиловский, *Ранние славяне...*, с. 39, 40.

³⁸ Терпиловским, Абашина, *Памятники...*, с. 72.

Распространение моды на гончарную черняховскую посуду на этих территориях приводит к вытеснению из обихода местной лощёной керамики. В этой связи, основной период бытования сосудов типа III,4 в Подесенье, по всей видимости, приходится на III в., а на востоке Левобережья и в бассейне Северского Донца – на первую половину этого столетия.

В Среднем Поднепровье традиция изготовления местной лощёной посуды оказалась более устойчивой. Формы типа III,4 здесь встречаются sporadически на протяжении всего периода существования киевской культуры. Не исключено, что именно они послужили прототипами пеньковских мисок типа VI-3 по классификации О. М. Приходнюка³⁹.

Архаичным признаком на поселении Попово-Лежачи-4 является высокий процент лепной лощёной керамики (5–7), что сближает это селище с позднезарубинскими памятниками раннеримского времени, для которых подобная доля столовой лепной посуды весьма обычна⁴⁰. На поселениях и в могильниках киевской культуры она встречается значительно реже. Близкий процент лощёной керамики (6,4) зафиксирован лишь в Сушках-2 – одном из самых ранних киевских памятников Среднего Поднепровья.

Уникален для киевского круга древностей горшок из очага постройки 4 раскопа 2 (рис. 4: 8). Хотя сосуды с налепным валиком под венчиком и встречаются в киевских комплексах Среднего Поднепровья, экземпляр из постройки 4 не имеет аналогий на памятниках III–V вв.: он чрезвычайно архаичен. Подобные сосуды известны на позднезарубинецком поселении Лютеж⁴¹.

К зарубинецким реликтам следует отнести и орнаментальный элемент в виде налепной подковки (рис. 8: 1). Прямые реминисценции зарубинецкой керамической традиции в позднеимское время на территории лесостепи и на юге лесной зоны встречаются только на ранних памятниках киевской культуры⁴².

Формы трёх лощёных сосудов (ребристого с S-овидным профилем, тюльпановидного и миски с прямым вертикальным венчиком: рис. 4: 6; 8: 7, 14) весьма редки и хронологическими индикаторами для комплексов III–V вв. служить не могут.

Керамический набор поселения Попово-Лежачи-4 имеет, таким образом, ряд особенностей, указывающих на раннюю в рамках киевской культуры дату памятника. К ним относятся

³⁹ О. М. Приходнюк, *Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI–IX ст. н.е.*, Київ 1980, с. 41, 42.

⁴⁰ Обломский, Терпиловский, *Среднее Поднепровье...*, с. 94.

⁴¹ Обломский, Терпиловский, *Среднее Поднепровье...*, рис. 7: 7; 8: 2.

⁴² Терпиловский, Абашина, *Памятники...*, с. 86.

а) высокий процент лощёной посуды,

б) сочетание мискообразных сосудов типа III,3,б, основной период распространения которых падает на раннеримское время, и III,4, характерных на территории Днепровского Левобережья для киевских памятников, прекративших своё существование до начала массового поступления черняховского импорта,

в) наличие архаичных, зарубинецких, элементов.

Представлению о ранней хронологической принадлежности памятника, казалось бы противоречат находки отдельных фрагментов сероглиняных гончарных сосудов черняховского облика. На самом деле оно – лишь кажущееся. В очень небольшом количестве керамика, близкая к черняховской, изредка встречается на ранних киевских поселениях. Попово-Лежачи-4 – уже не первый подобный случай. В Среднем Поднепровье она известна, например в Сушках-2, на водоразделе Днепра и Дона – в Шишино-5 и на могильнике Кулига⁴³. В городах северо-западного Причерноморья, по мнению А. В. Гудковой, сероглиняная керамика, стилистически близкая к черняховской, хотя и имеющая свою специфику, даже в слоях II в. н.э. встречается достаточно часто. В Тире она обнаружена, например, в нижних горизонтах дома III, который уже существовал в 30–40-х гг. II в.⁴⁴ На территории пшеворской культуры производство сероглиняной гончарной посуды начинается в эпоху CI в.⁴⁵ По всей видимости, до начала проникновения черняховского населения в Среднее Поднепровье и на восток Днепровского Левобережья, т.е. до момента непосредственных контактов его в этих регионах с киевскими племенами, посуда, близкая к черняховской, в небольшом количестве поступала на ранние киевские поселения из каких-то причерноморских или средневропейских центров.

Наиболее вероятно, что селище Попово-Лежачи-4 датируется рубежом II/III – началом III в. и вряд ли доживает до середины столетия.

Единственной датирующей вещью на памятнике является железная шпора из слоя раскопа I (рис. 7: 16). Это изделие имеет многочисленные центральноевропейские аналогии и относится к широко распространённому в пшеворской и вельбарской культурах группе V по К. Годловскому.

⁴³ Терпиловским, Абашина, *Памятники...*, с. 119; Обломский, *Этнические процессы...*, с. 8, 59.

⁴⁴ А. В. Гудкова, *Классификация сероглиняной столовой керамики Тире II–V вв. н.э.*, [в:] *Античная Тира и средневековый Белгород*, Киев 1979, с. 100.

⁴⁵ Н. Dobrzańska, *Zagadnienie datowania ceramiki toczonej w kulturze przeworskiej*, „*Archeologia Polski*” 1980, nr 24, с. 135; Н. Dobrzańska, *Problem der genese der Drehscheibenkeramik in der Przeworsk Kultur*, [в:] *Urzeitliche und frühhistorische besiedlung der Ostslowakei in bezug zu den nackbargebieten*, „*Nitra*” 1986, с. 255.

Такие шпоры характерны для периодов В2/С1 и С1а, т.е. для рубежа II/III – первых десятилетий III в. н.э.⁴⁶

Поскольку поселение Попово-Лежачи стоит достаточно близко по своей дате к позднезарубинецкому периоду, то можно попытаться определить, с каким конкретно культурно-хронологическим типом памятников этого периода оно связано по происхождению. Прототипом керамического комплекса Попово-Лежачей не может быть набор сосудов селищ типа Лютежа: там преобладают сильнопрофилированные горшки и, практически, полностью отсутствуют близкие к баночным формы – основной тип сосудов в Попово-Лежачах. Вряд ли допустима генетическая связь с почепскими древностями: на памятниках Подесенья не известны слабопрофилированные сосуды и редки ребристые формы⁴⁷. Памятники типа Гриней из круга возможных прототипов также исключаются: в Попово-Лежачах совершенно нет керамики с расчёсами.

Пользуясь методом исключения, следует признать, что население селища могло быть связано по происхождению лишь с племенами,

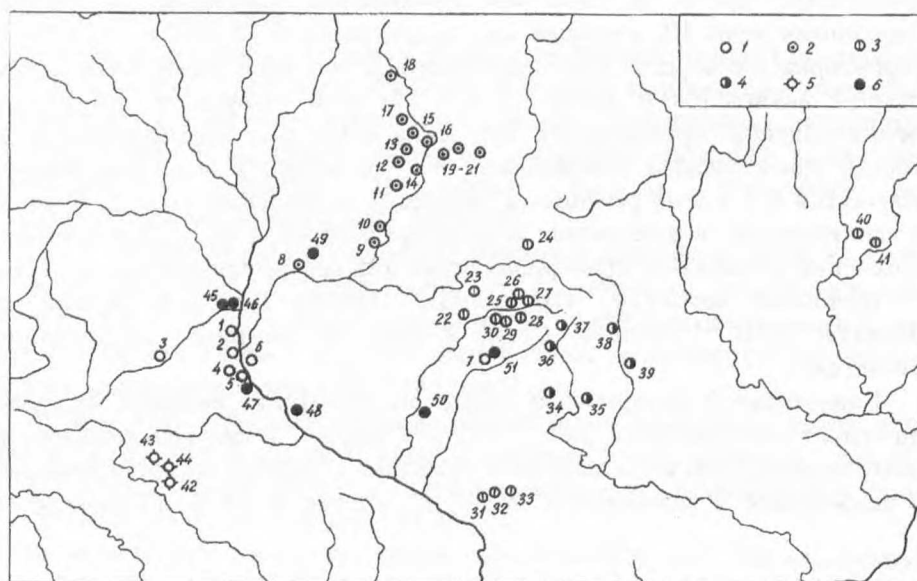

Рис. 13

⁴⁶ K. Godłowski, *The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe*, Kraków 1970, с. 12, 34, 38; K. Godłowski, *Przemiany kulturowe i osadnicze w Południowej i Środkowej Polsce w okresie rzymskim*, Wrocław 1985, с. 67.

⁴⁷ Обломский, Терпиловский, *Среднее Поднепровье...*, с. 31, 47–53.

оставившими древности типа Картамышево-Терновки (рис. 13), причём наибольшая степень сходства керамического набора наблюдается с материалами западной части их ареала. Такие поселения, как Картамышево-2, Бобрава-3, Гочево-7 и ряд других сближает с Попово-Лежачами отсутствие дисков, относительно часто встречающаяся орнаментация насечками и пальцевыми вдавлениями венчиков груболепных сосудов, наличие „пшвороидной” лепной керамики, а также полное совпадение набора форм кухонных горшков. Сходство становится более осязаемым при сопоставлении пропорций сосудов внутри вариантов их форм по методике, предложенной А. М. Обломским в 1991 г.⁴⁸

Таблица 3

Значения пропорциональных соотношений Груболепных сосудов с памятников типа Картамышево-Терновки и поселения Попово-Лежачи-4

Типы формы	Д1:Н2	Д2:Н2	Д3:Н2
Попово-Лежачи-4			
I,1,а,а	1,32–2,44	1,29–2,29	1,91–2,64
I,3-а	1,5–3,33	1,38–3,2	1,6–3,33
I,3-б	2,39–5,67	2,17–5,5	2,13–5,57
II,1	1,67–3,68	1,46–3,58	1,67–3,68
II,2,а	1,5–3,0	1,46–2,92	1,85–3,42
Позднезарубинецкие памятники			
I,1,а,а	1,05–3,0	1,08–2,8	1,35–3,03
I,3-а	Значения близки, но данных мало		
I,3-б	1,78–5,14	1,46–1,47	1,55–4,12
II,1	1,68–4,18	1,38–3,62	1,3–3,88
II,2,а	1,35–2,9	1,25–2,78	1,77–3,3

В табл. 3 показано, что пределы значений основных пропорциональных соотношений верхних частей горшков типа I,1,а,а из Попово-Лежачей полностью „вписываются” в позднезарубинецкий стандарт. Не менее 3/4 горшков типов I,3-б; II,1; II,2, а также близки по пропорциям к позднезарубинецким, хотя крайние значения их коэффициентов и несколько отличаются. Горшки типа I,3-а в раннеримское время довольно редки, но пропорции тех, что сохранились в виде, пригодном для измерений, укладываются в рамки значений соотношений диаметров и высот верхних частей сосудов киевской культуры. Пропорции нижних частей горшков из-за малого

⁴⁸ Обломский, *Этнические процессы...*, с. 68–78.

количества целых форм статистическому анализу не поддаются, но визуально позднезарубинецкие и аналогичные им по контуру профиля сосуды киевской культуры не отличаются друг от друга (рис. 14).

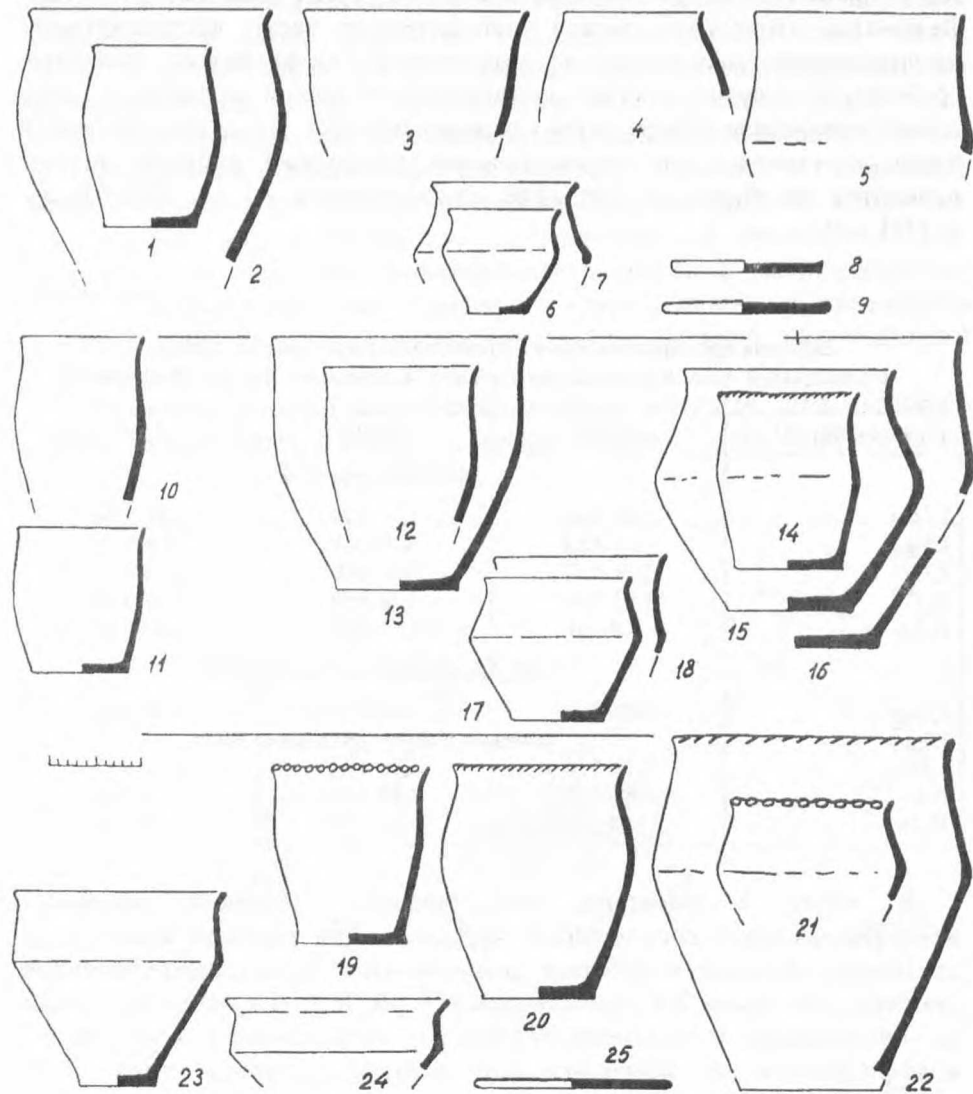

Рис. 14

Существенных типологических различий в керамике из Попово-Лежачей по сравнению с позднезарубинецкой круга Картамышево, таким образом, не наблюдается, однако они есть, но заключаются в количественном

соотношении форм. К сожалению, на востоке Днепровского Левобережья пока не исследованы памятники I–II вв. н.э., в такой степени „богатые” материалом, чтобы можно было рассчитать „удельный вес” тех или иных типов сосудов в наборе. Тем не менее, наблюдения показывают, что на селищах круга Картамышево-Терновки относительно часты горшки типов I,1,a,a и I,3-б, а также ребристые, тогда как сосуды типа I,3-а (закрытые, близкие к баночным) составляют меньшинство. В Попово-Лежачах, как указывалось выше, преобладает именно эта форма.

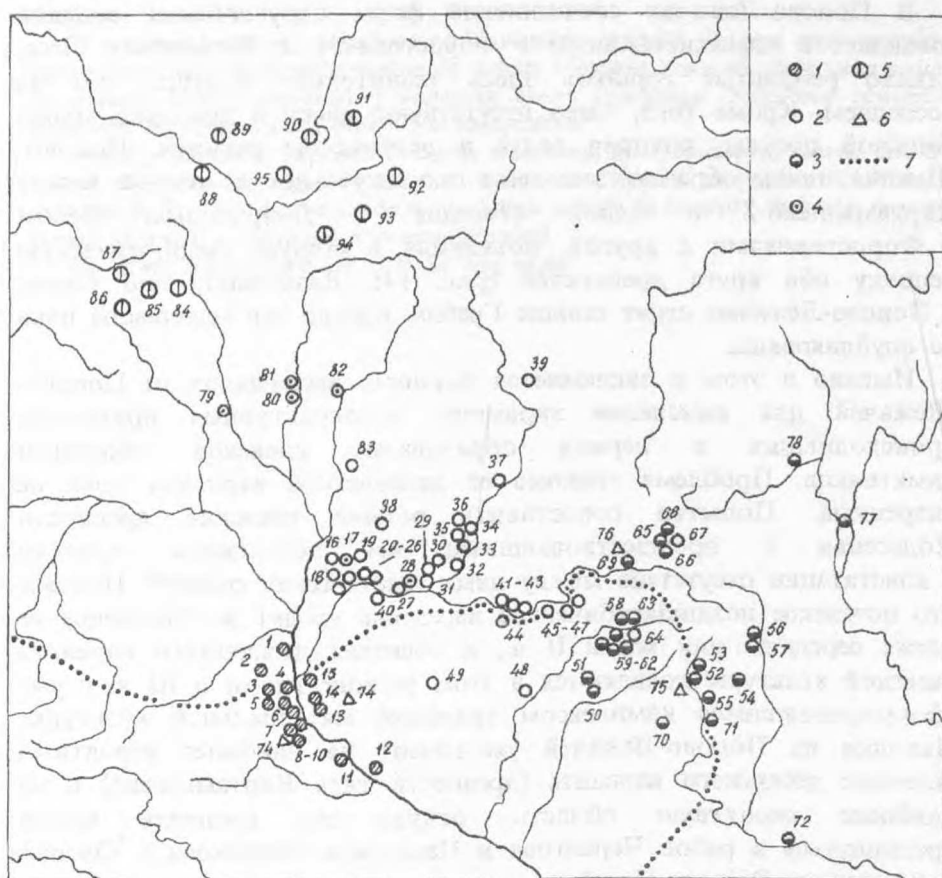

Рис. 15

Из всех известных в настоящее время ранних (дочерняховских) памятников киевской культуры близкое к последнему соотношение типов сосудов наблюдается лишь на поселениях Подесенья. К первому этапу деснинского варианта киевской культуры относятся селища

Лавриков Лес, Форостовичи, Киреевка-1 и 2, Вишенки, Деснянка (рис. 15). Более-менее массовая коллекция сосудов, которой можно оперировать, происходит лишь с первых двух.

В Лавриковом Лесе и Форостовичах преобладают сосуды типа I,3-а (31 и 25%), на втором месте стоят тюльпановидные горшки (I,3-б: 18 и 24%), на третьем месте – сосуды I,1,а,а (7 и 12%). Ребристые горшки относительно редки (Лавриков Лес – 13%, в Форостовичах отсутствуют). На обоих памятниках широко распространены диски (31%).

В Попово-Лежачах соотношение форм округлобоких сосудов совпадает с зафиксированным в Форостовичах и Лавриковом Лесе, однако ребристых горшков здесь значительно больше, чем на последнем. Кроме того, здесь отсутствуют диски и довольно много лощёной посуды, которая редка в деснинском регионе. Попово-Лежачи, таким образом, занимают промежуточное положение между Картамышево-2 с одной стороны и Лавриковым Лесом – Форостовичами с другой, объединяя в общую типологическую цепочку оба круга древностей (рис. 14). Возможно, еще ближе к Попово-Лежачам стоит селище Гребля, однако эти материалы пока не опубликованы.

Именно в этом и заключается важность материалов из Попово-Лежачей для выяснения характера этнокультурных процессов, происходивших в период образования киевской общности памятников. Проблема генезиса её деснинского варианта пока не разрешена. Попытки сопоставить ранние киевские древности Подесенья с предшествовавшими им почепскими привели к констатации отсутствия между ними генетических связей⁴⁹. Похоже, что почепское поздненарубинецкое население уходит из Подесенья не позже середины или конца II в., а носители деснинского варианта киевской культуры появляются в этом регионе где-то в III в. с уже сформировавшимся комплексом традиций материальной культуры. Находки из Попово-Лежачей указывают на наиболее вероятный источник деснинского варианта (древности типа Картамышево) и на наиболее вероятную область, откуда его носители могли продвигаться в район Чернигова и Новгорода-Северского – Среднее и, возможно, Верхнее Посеймье.

⁴⁹ Амброз, *К истории...*, с. 70; Г. Н. Пронин, *Некоторые спорные вопросы изучения памятников почепского типа*, „Советская Археология” 1979, Т. 1, с. 59–62; А. М. Обломский, *Культурно-типологические группы поздненарубинецких памятников Подесенья и их взаимоотношение с деснинским вариантом киевской культуры*, [в:] *Культуры Восточной Европы I тыс. н.э.*, Куйбышев 1986, с. 44–47.

Andrzej M. Oblomskij, Rostisław W. Terpiłowski

OSADA POPOWO-LEŻACZI, STANOWISKO 4,
I JEJ MIEJSCE WŚRÓD ZABYTEKÓW KULTURY KIJOWSKIEJ

Artykuł prezentuje wyniki badań prowadzonych w roku 1993 na osadzie Popowo-Leżaczi, stan. 4.

W toku wykopalisk odsłonięto około 1200 m² powierzchni wykopów. Natrafiono na trzy półziemianki, dwie budowle naziemne, budynek gospodarczy i 18 jam kultury kijowskiej okresu rzymskiego. Budowle koncentrowały się na osobnej działce, zaś jamy tworzyły dwa odrębne skupiska.

W warstwie kulturowej natrafiono na 19 ułamków ceramiki. Znaczna część ceramiki to grubościennie naczynia charakterystyczne dla kultury kijowskiej, pozostałe noszą cechy podobne do ceramiki kultury przeworskiej wczesnego okresu rzymskiego. Natrafiono również na pojedyncze fragmenty naczyń prowincjonalnorzymskich.

Wśród przedmiotów żelaznych występują noże, sierp, groty oszczepów, haczyki oraz dwie buławki. Na podstawie zabytków żelaznych osadę można datować na przełom II i III w. lub na początek III. Tego datowania nie można jednak odnieść do ceramiki. Wykazuje ona cechy kultury kijowskiej z wpływami późnozaruskiej.

Do chwili obecnej materiały takie nie były znane.